

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1289-1302>

EDN: KCTNFV

Научная статья / Research Article

Философские контексты цифровизации российского уголовного судопроизводства

В.И. Пржilenский^{ID}✉, Т.Ю. Вилкова^{ID}

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия
✉ viprzhilenskij@msal.ru

Аннотация. Выделены философские контексты цифровизации российского уголовного судопроизводства и показано, как каждый из этих контекстов проявляется в уголовно-процессуальной деятельности и ее изменениях. В рамках онтологического контекста определены четыре важнейших эффекта цифровизации и выявлены основные направления их влияния на уголовное судопроизводство. Показано, что конвергенция пространства-времени создает новые возможности для установления предмета доказывания, более широкого применения домашнего ареста. Отмечены впечатляющие перспективы применения сжатия пространства-времени в части внедрения цифрового делопроизводства и электронного уголовного дела. Указано позитивное влияние на достижение назначения уголовного судопроизводства дальнейшее расширение участия человека за счет развития дистанционного участия тех или иных лиц в уголовно-процессуальной деятельности. Прослеживается создает новые возможности для собирания доказательств. Все это позволяет говорить о цифровом мире как о сверхсвязном мире, в котором тело человека все еще подчиняется физическим законам, а человеческое сознание учитывает законы как социальные, так и юридические. Эпистемологический контекст цифровизации российского уголовного судопроизводства указывает возможные направления трансформации процесса познания. Обосновано, что интеграция цифровых технологий в уголовно-процессуальное доказывание должна осуществляться с одновременным установлением пределов, условий и порядка их использования с тем, чтобы были обеспечены национальные интересы, в том числе в части кибербезопасности, доброкачественность доказательств и результатов процесса доказывания, права участников уголовного судопроизводства. В рамках киберэтики предложено разработать кодекс этики уголовно-процессуальной деятельности в условиях развития цифровых технологий, определяющий этические правила поведения различных участников с учетом выполняемых ими функций применительно к разным технологиям, включая работу с искусственным интеллектом, защиту персональных данных, правила поведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и др.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовный процесс, онтология, эпистемология, доказывание, киберэтика

© Пржilenский В.И., Вилкова Т.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>

История статьи:

Статья поступила 02.06.2025

Статья принята к публикации 09.07.2025

Для цитирования: Пржиленский В.И., Вилкова Т.Ю. Философские контексты цифровизации российского уголовного судопроизводства // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 4. С. 1289–1302. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1289-1302>

Philosophical Contexts of Russian Criminal Proceedings Digitalization

Vladimir I. Przhilenskiy✉, Tatyana Y. Vilkova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

✉ viprzhilenskij@msal.ru

Abstract. The philosophical contexts of digitalization of Russian criminal proceedings are highlighted and it is shown how each of these contexts is manifested in criminal procedural activity and its changes. Within the ontological context, four most important effects of digitalization are identified and the main directions of their influence on criminal proceedings are revealed. It is shown that the convergence of space-time creates new opportunities for establishing the subject of proof, a wider application of house arrest. Impressive prospects for the use of space-time compression in terms of the introduction of digital office work and electronic criminal cases are noted. The positive impact on achieving the purpose of criminal proceedings of further expansion of a person due to the further development of remote participation of certain persons in criminal procedural activity is indicated. Traceability creates new opportunities for collecting evidence. All this allows us to talk about the digital world as a super-connected world in which the human body is still subject to physical laws, and the human consciousness takes into account both social and legal laws. The epistemological context of digitalization of Russian criminal proceedings indicates possible directions for transformation of the cognitive process. It is substantiated that the integration of digital technologies into criminal procedural proof should be carried out with the simultaneous establishment of limits, conditions and procedures for their use in order to ensure national interests, including in terms of cybersecurity, the quality of evidence and results of the proof process, the rights of participants in criminal proceedings. Within the framework of cyberethics, it is proposed to develop a code of ethics for criminal procedural activity in the context of the development of digital technologies, defining the ethical rules of conduct for various participants, taking into account the functions they perform in relation to different technologies, including work with artificial intelligence, protection of personal data, rules of conduct in the information and telecommunications network “Internet”, etc.

Keywords: IT, criminal procedure, ontology, epistemology, proof, cyberethics

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of this manuscript.

Funding of Sources. The research was supported by Russian Science Foundation № 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>

Article history:

The article was submitted on 02.06.2025

The article was accepted on 09.07.2025

For citation: Przhilenskiy VI, Vilkova TY. Philosophical Contexts of Russian Criminal Proceedings Digitalization. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(4):1289–1302. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1289-1302>

Введение: пять вопросов цифровой трансформации

Цифровая трансформация, охватившая в последние десятилетия все сферы жизни человека и общества, оказалась столь же стремительной, сколь и неотвратимой. Не осталась в стороне и система правоприменения – судо-производство, в том числе и уголовное, стало сферой активного внедрения информационных технологий, что не могло не вызвать ряд вопросов, ответы на которые невозможно найти, не прибегая к средствам и методам философии.

Во-первых, это вопрос о мире, в котором мы живем, поэтому он может быть назван онтологическим вопросом. По сути это вопрос о реальности и о тех ее изменениях, которые обусловлены внедрением цифровых технологий, что привело к открытию процессов конструирования нового типа реальности – виртуальной, цифровой – и заставило скорректировать представления о прежних ее типах: физической, социальной, повседневной.

Во-вторых, это эпистемологический вопрос или вопрос о знании и познании в контексте тех изменений, которые вызваны цифровизацией. Сегодня нет сомнений в том, что внедрение айти-технологий в процессы познания, объяснения, обоснования, доказывания привело к обновленному пониманию феномена человеческой рациональности. Рожденные цифровизацией или скорректированные под ее влиянием практики производства, накопления, хранения и воспроизведения знания существенно модернизировали представление о человеческой рациональности и о взаимосвязи знания и реальности.

В-третьих, это вопрос, который может быть назван социально-технологическим, потому что это вопрос о цифровизирующемся обществе, его структурах и институтах, о месте и роли в нем социальных технологий, а также о соотношении индивидуального и коллективного целеполагания.

К нему вплотную примыкает четвертый вопрос, который может быть назван экзистенциально-антропологическим, потому что это вопрос об изменении человека и его внутреннего мира, а также его ценностей и смыслов. Сама его постановка затрагивает глубинные слои человеческой экзистенции, а в содержательном плане представляет собой новую тематизацию и соответствующую проблематизацию представлений о природе человека и смысле его существования.

И, наконец, пятый вопрос может быть назван этическим вопросом, ибо это вопрос о том, как цифровая трансформация общества и государства затрагивает традиционные представления о добре и зле и как она влияет на сферу нравственного выбора. Ответ на этот вопрос позволяет если не измерить, то хотя бы приблизительно оценить масштаб происходящих перемен для того, чтобы лучше понимать логику и прагматику формирующейся новой отрасли знания, которую условно можно было бы назвать киберэтикой.

Проблема поиска ответов на пять поставленных вопросов осложняется тем обстоятельством, что философские основания уголовного судопроизводства были сформулированы достаточно давно и слишком долго не пересматривались. Но в то же самое время в самой философии произошло немало значимых инноваций, учесть которые также необходимо в настоящем исследовании – в противном случае ответы не будут точными.

Цифровая реальность: онтологический вопрос

Организационно-логистические последствия внедрения информационно-коммуникационных технологий требуют изучения того, как изменяется поведение людей в процессе изменяющихся городских и иных поселенческих пространств и транспортных систем, структур расселения людей, производства и торговли. Так, практикам управления становится ясно, что технологии компьютерных вычислений и устройств для обработки данных, их передачи, анализа и хранения и социально-экономические процессы изменяют пространство и время. Анализ позволил Д. Джанельль и А. Гиллеспи выделить четыре важнейших эффекта цифровизации: конвергенция пространства-времени; сжатие пространства-времени; расширение человека; прослеживаемость.

Конвергенция пространства-времени (Time-space convergence) проявляется на уровне системы и достигается за счет внедрения цифровых технологий в управление транспортом на основе расширения возможностей и свойств связи, «интеллектуализации» и внедрения робототехники, технологий отображения, распознавания голоса и изображений. Если прежде конвергенция пространства-времени осуществлялась посредством их геометризации посредством теоретического мышления в рамках математического естествознания, то сейчас теория оказалась воплощена в информационный мир, где все точки пространства и времени соединились в единый континуум информации.

В уголовном судопроизводстве конвергенция пространства-времени уже сегодня проявляется, например, в применении более гуманной по сравнению с заключением под стражу меры пресечения – домашнего ареста с осуществлением эффективного контроля за обвиняемым. На качественно новый уровень вышли возможности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию благодаря распространению средств видеонаблюдения и совершенствованию их технических характеристик. Дальнейшее развитие этого направления имеет большой потенциал влияния на достижение

назначения уголовного судопроизводства, и при этом оно ограничено лишь собственно наличием и характеристиками цифровых технологий.

Сжатие пространства-времени (Time-space compression) проявляется на уровне жизненного мира и заключается в «ускоряющейся пропускной способности событий в повседневной жизни индивидуума». Здесь речь идет об интенсификации труда, о его рационализации и инструментализации, что проявилось в социальном и организационном переходе от класса пролетариата к классу прекариата. Инфокоммуникационные технологии оказались способны ускорять потоки капитала, существенно облегчать проведение транзакций на различных рынках, способствовать росту как производства, так и потребления.

Перспективы сжатия пространства-времени в уголовном судопроизводстве поистине впечатляют. Если в последние четверть века ускорение и упрощение при производстве по уголовному делу достигались процессуальными средствами, главным образом за счет широкого применения дифференцированных форм расследования и судебного разбирательства, что повышало риск вынесения ошибочных решений (вследствие чего, например, в 2020 г. была исключена возможность применения особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, по делам о тяжких преступлениях), то сегодня основным направлением оптимизации уголовно-процессуальной деятельности становится интегрирование в нее цифровых технологий. Уже сегодня участие находящегося под стражей осужденного в рассмотрении дел судами апелляционной, кассационной, надзорной инстанций практически полностью переведено на режим видео-конференц-связи. С 2023 г. стало возможным вручение обвиняемому, защитнику, потерпевшему копии обвинительного заключения в форме электронного документа. С 2025 г. допускаются свидания подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником путем использования систем видеоконференц-связи.

Принятие заявлений о преступлении в электронном виде [1], создание межведомственных онлайн платформ, внедрение электронного уголовного дела или его элементов, перевод делопроизводства на цифровую основу – лишь некоторые направления цифровизации уголовного судопроизводства, благодаря которой будет достигнуто ощутимое сжатие пространства-времени, быстрое и качественное выполнение задач уголовно-процессуальной деятельности.

Как и в иных случаях применения цифровых технологий, при реализации указанных направлений должен соблюдаться баланс ускорения и упрощения в рассматриваемой сфере, с одной стороны, и охрана прав личности, общества, государства – с другой. Например, в некоторых случаях применение цифровых технологий должно быть обусловлено согласием или ходатайством обвиняемого с тем, чтобы не было нарушено его право на защиту (по примеру ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ).

Понятие человеческой расширяемости (Human extensibility) заключается в способности индивидов посредством инфокоммуникационных технологий

фактически присутствовать в тех местах, в которых они не могут присутствовать физически. Так, человек или организация оказываются способны проецировать собственное присутствие, преодолевая тем самым естественные пределы пространственной и временной локализации. Ограничены прежде возможностями устной коммуникации или почтовой переписки благодаря сети Интернет получают доступ к неограниченному числу пользователей. «Человеческая расширяемость, – пишут Д. Джанелль и А. Гиллеспи, – и имплозия мира на человека (сжатие времени и пространства) представляют собой одновременно возможность и угрозу – возможность общаться и участвовать в диалоге и торговле, а также угрозу осады и неспособности поглощать или справляться с неумолимыми объемами информации, требующей внимания» [2. Р. 665]. Очевидно, что временные аспекты этой проблемы требуют способности включаться и выключаться из своей связи с миром – взаимодействовать избирательно или транслироваться повсеместно, по мере необходимости.

Расширение человека существенным образом трансформирует уголовно-процессуальную деятельность. Начавшись еще в 2000-е гг. с первых случаев применения видеоконференц-связи, это направление получило наиболее существенное развитие в связи с пандемией COVID-19, когда необходимость обеспечения медицинского благополучия населения привела к быстрому и масштабному переходу на дистанционное осуществлению уголовно-процессуальной деятельности во всем мире, в первую очередь в судебных стадиях. Всеобщий характер приобрело рассмотрение дел судами всех инстанций с использованием видеоконференц-связи либо, в тех государствах, где такой вид коммуникации еще не был наложен, – с помощью иных имевшихся в наличии технологий (Scype и др.).

Хотя эта вынужденная мера и привела к ограничению доступа к правосудию, непосредственности исследования доказательств [3], даже к временному приостановлению судебной деятельности, особенно рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, этот опыт выявил необходимость дальнейшего развития дистанционного производства процессуальных действий, ставшего возможным благодаря применению цифровых технологий.

Поэтому после завершения пандемии расширение человека в сфере уголовного судопроизводства ожидаемо не только не остановилось, но, напротив, продолжило развиваться. Так, с 2021 г. стало возможным проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Следует ожидать дальнейшее развитие этого направления в ближайшее время. Например, имеет перспективы предоставление сторонам возможности дистанционного участия при производстве экспертизы, допущение дистанционного участия переводчика при задержании лица по подозрению в совершении преступления и др.

Отслеживаемость (Trackability) – это эффект, возникающий благодаря активному внедрению специальных сервисов (Location-based Services), предназначенных для фиксации местоположения и способности передавать

полученную информацию на расстоянии или сохранять ее. Благодаря доступу к современным средствам передвижения, смартфонам, персональным цифровым помощникам и компьютерам индивиды и специальные службы получают возможность знать все о передвижениях интересующего объекта либо в режиме реального времени, либо получать интересующую информацию постфактум.

Это расширяет возможности раскрытия преступлений и собирания доказательств, в том числе посредством производства новых, перспективных следственных действий, пока не предусмотренных законом, либо традиционных следственных действий, правила производства которых могут быть скорректированы и дополнены. При этом может использоваться позитивный зарубежный опыт. Так, в Германии существуют алгоритмы анализа коммуникационных данных для определения статической и динамической геолокации смартфонов пособников обвиняемого. Справедливой следует признать критику ч. 7 ст. 185 УПК РФ, не допускающей сегодня дистанционного получения электронной почтовой переписки¹.

Все это позволяет говорить о цифровом мире как о сверхсвязном мире, в котором тело человека все еще подчиняется физическим законам, а человеческое сознание учитывает законы как социальные, так и юридические, но уже мысли и действия этого человека оказываются направлены и перенаправлены в соответствии с новым информационно-логистическим сопровождением. И в этом существенно изменившемся до неузнаваемости мире, сохранившем при этом все прежние физические и социальные очертания, совершаются преступления, осуществляются усилия по их предотвращению, ведется поиск и обезвреживание правонарушителей, доказывается их вина, назначается наказание.

Возникающие при обсуждении данных тем вопросы касаются не только самой реальности, но и знания о ней, ее познаваемости и распознаваемости. За онтологией с неизбежностью следует эпистемология, а онтологический вопрос дополняется эпистемологическим. При этом не следует забывать, что теоретическому и методологическому различию онтологии и эпистемологии предшествовало историческое и логическое выделение из метафизики специфической познавательной или знаниевой проблематики. Но даже тогда отделить вопрос о реальности от вопроса о ее познании оказалось возможно далеко не всегда.

Познание в цифровом мире: эпистемологический вопрос

Сегодня при рассмотрении возникающей в процессе цифровизации новой реальности отделять проблемы онтологии от вопросов о ее познании еще

---

¹ Ewald U. Volatilität digitaler Beweise – Herausforderung für die Cyber-Strafverteidigung / U. Ewald // Rechtsanwälte für wirtschaftsstrafrecht in Kooperation. Режим доступа: <https://rechtsanwaelte-wirtschaftsstrafrecht-berlin.de/volatilitaet-digitaler-beweise-herausforderung-fuer-die-cyber-strafverteidigung/> (Available from: 01.04.2025).

труднее. Тем более, что никогда еще в обсуждение онтологических и эпистемологических проблем с такой очевидностью не вторгались вопросы технологии. Сегодня специалисты ставят вопрос о циркуляции знания в зависимости от наделения онтологическим статусом тех информационных продуктов, которые возникают в процессе копирования элементами информации и становятся объектами киберуправления. Так, Дэвид Лимбах, Марк Дженсен, и Джон Беверли предлагают к обсуждению «набор терминов, которые призваны служить интерфейсом между кибернетическими онтологиями (такими как онтология файловой системы или онтология объединения данных) и онтологиями верхнего и среднего уровней, в частности базовой формальной онтологией и общими базовыми онтологиями». Эти условия сосредоточены на том, что делает управление киберинформацией уникальным: многочисленные действия по копированию элементов информации, совокупности копий, которые являются результатом этих действий, и добросовестные участники этих совокупностей, представляющие всех остальных участников» [4].

Но и традиционные эпистемологические, методологические, философско-научные вопросы в условиях цифровой трансформации сохраняют свое значение. Так, например, Т.А. Двуреченская предлагает при построении цифровой эпистемологии использовать в качестве точки опоры юмовский скептицизм. В рассуждениях данного автора проводится мысль, согласно которой обучение систем ИИ опирается исключительно на индукцию, а процедуры доказывания опираются на дедукцию, следовательно, и соответствующая теория познания должна опираться на индуктивистскую традицию, но не на эмпиризм Бекона и не на сенсуализм Локка, а на скептицизм Юма. «Мы не можем знать, – пишет Т.А. Двуреченская, – но можем действовать. Если информации достаточно для воспроизведения новых онтологических форм, технологическая воля к власти не остановится ни перед чем для порождения виртуализированной ткани существования нового мира. Сомнение стало инструментом понимания, что онтология – лишь предельный горизонт эпистемологического, регулятивная идея. Человек освободился из-под интерфейса антропоцентристской логики» [5].

Следует отметить, что еще прежде У. Матурана и другие когнитологи обнаружили неспособность компьютера «отражать», лишив «ленинскую» теорию отражения статуса главной естественнонаучной метафоры познания, предложив на ее место восходящую к Платону гуссерлевско-хайдеггеровскую теорию распознавания образов или усмотрения смыслов [6]. Так что вопросы остаются. Появилось понятия распределенного знания (*distributed knowledge*) и распределенного познания (*distributed cognition*). «Второе, – пишет Л.В. Шиповалова, – предполагает распределение когнитивных функций между различными субъектами, их совместное участие в процессе производства знания, первое – распределение полученной в результате возобновляющейся познавательной деятельности информации при решении различных проблем» [7].

В традиционной эпистемологии к числу основных понятий относились проблема познающего субъекта и познаваемого объекта, проблема соотношения теоретического и практического, проблема истины, соотношения

чувственного и рационального. Как субъект в новом цифровом мире может выступать не только человек, использующий вспомогательные компьютерные устройства, но и структурные элементы интернета вещей, и разнообразные чат-боты, и роботы, и целые системы, объединяющие все вышеназванное на основе искусственного интеллекта. Все остальные классические эпистемологические темы также переформулируются в новом контексте при активном использовании результатов междисциплинарных исследований, производимых на стыке когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, когнитивной философии и т.п. [8].

Появились новые темы, среди которых одна из самых обсуждаемых – тема соотношения цифрового и аналогового в определении места и роли цифровизированного мира в общей реальности. Некоторые теоретики стали утверждать, что изначальная природа реальности является информационной или цифровой [9]. Лучано Флориди активно выступил против этой точки зрения, опровергая «панкомпьютационализм», позволяющий мыслить Вселенную как грандиозную вычислительную систему, эквивалентную машине Тьюринга или как «клеточный автомат» [10].

В уголовном судопроизводстве познание осуществляется через доказывание, правила которого носят фундаментальный характер. Так, свободная, а не формальная оценка доказательств, субъектами которой являются исключительно участники, наделенные властными полномочиями, а равно отказ от признания показаний обвиняемого «царицей доказательств», сопряжены со смешанным типом уголовного процесса и остаются незыблемой основой для российского уголовного процесса вот уже свыше 160 лет.

Тем не менее, подходы к доказательствам и доказыванию не остаются незыблемыми. Они подвержены трансформации под влиянием различных фундаментальных факторов.

Так, только за последнюю четверть века, в период действия УПК РФ, в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от преступной деятельности и угроз национальной безопасности неоднократно расширялся предмет доказывания в части обстоятельств происхождения или характеристик имущества, подлежащего конфискации (п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Развитие состязательности привело к установлению дополнительных гарантий прав не наделенных властными полномочиями участников как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, включая дополнение перечня доказательств заключением и показаниями специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Новые экономические вызовы, включая масштабные санкции, потребовали создания и поддержания благоприятного делового, предпринимательского и инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса, включая введение особых процедурных правил для привлечения к уголовной ответственности предпринимателей. Среди них – отнесение к числу недопустимых доказательств сведений, полученных в связи с подачей лицом специальной декларации в рамках амнистии капиталов (п. 2.1–2.3 ч. 2 ст. 75), установление

особых правил признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ).

Трансформируется отношение к догматическому пониманию презумпции невиновности как императивного положения о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Расширение упрощенных и ускоренных процедур (в первую очередь гл. 40, 40.1 УПК РФ), нередко именуемых «договорными производствами» [11], свидетельствует о конвергентных процессах сближения содержания презумпции невиновности в государствах континентальной системы права, включая Россию, и государствах общего права за счет дополнения ее положением о том, что лицо считается невиновным также до тех пор, пока оно не признает себя виновным.

Одним из фундаментальных факторов, способным оказать существенное влияние на процесс ретроспективного познания в уголовном судопроизводстве, является развитие цифровых технологий.

Важнейшим вопросом интеграции этих технологий в уголовно-процессуальное доказывание является установление пределов, условий и порядка их использования с тем, чтобы были обеспечены национальные интересы в части кибербезопасности, доброкачественность доказательств и результатов процесса доказывания, права участников уголовного судопроизводства.

Показательным является запрет на использование в доказывании по уголовному делу сведений, полученных с использованием полиграфа. Несмотря на технический прогресс и достаточно высокие показатели проведения опытных исследований по применению полиграфа, в 2021 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» было дополнено положением о том, что перед экспертом не могут быть поставлены вопросы по оценке достоверности показаний, полученных в ходе производства следственных действий, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Тем самым была поставлена точка в споре о допустимости использования полиграфа в доказывании по уголовному делу со ссылкой на принцип свободы оценки доказательств.

Перспективы использования цифровых технологий в доказывании сегодня связывают с утверждением приоритетности электронной информационно-сигнальной модели уголовно-процессуального доказывания, разработкой законодательных правил по работе с электронным уголовным делом, внедрением в судебную практику программного обеспечения для постановления приговора с использованием математического моделирования и алгоритмизации принятия решений в виде «электронного помощника»².

---

² Вилкова Т.Ю. Закрепление принципа презумпции невиновности в конституциях зарубежных государств – членов организации объединенных наций: База данных. Свидетельство о государственной регистрации RU 2018621732 от 22.10.2018 г.

Однако любое направление применения цифровых технологий в познавательной уголовно-процессуальной деятельности должно опираться на устоявшиеся постулаты доказательственного права и накладываемые им ограничения. Так, принятие уголовно-процессуальных решений, включая приговор, не может возлагаться на искусственный интеллект, что не препятствует, например, использованию цифровых технологий для транскрибации аудиозаписи с тайм-кодами, анализа документов и подготовки проектов процессуальных документов в части автоматического заполнения данных по делу с указанием номера дела, даты, времени, участников процессуального действия, лица, выносящего решение и др. Например, уже сегодня Вологодский областной суд использует искусственный интеллект для анализа документов и краткого изложения их содержания (включая краткое изложение причин отмены судебного акта), сравнения содержания двух документов (в том числе для сравнения протокола судебного заседания с приговором), составления проекта судебного решения. Однако сами решения, требующие анализа доказательств (в некоторых случаях, таких как возбуждение уголовного дела, – иных данных), могут приниматься исключительно уполномоченными должностными лицами и государственными органами (судом, прокурором, следователем, дознавателем).

Киберэтика: экзистенциально-антропологический и социально-технологический вопросы

Цифровая эпоха не могла обойти стороной сферу морали, традиций, ценностей – породила новые этические проблемы и переформулировала некоторые прежние. Прежде всего это вопросы, возникающие в процессе использования кибертехники в профессиональной деятельности или досугово-развлекательных практиках, когда применение компьютерных технологий допускает нарушение права человека или затрагивает интересы всего общества. А поскольку традиционная этика оказалась неспособна дать ответы на многие вопросы, возникающие в ходе цифровизации общества и государства, рождается и активно развивается новая этика, которую часто называют киберэтикой. Развитие киберэтики идет по двум основным направлениям: во-первых, это адаптация традиционных этических требований и запретов, нравственных максим и императивов к условиям цифровой реальности; во-вторых, это выявление и экспликация новых реалий, порожденных цифровизацией общества и государства.

К числу негативных аспектов цифровизации, имеющих этическое изменение, Д.В. Пучков предлагает отнести компьютерно-игровую зависимость и, как следствие, возникающую в ее ходе утрату осознания ценности реального мира, снижение ценности обычного, то есть невиртуального, снижение интереса к реальной активности и реальному творчеству. Все это несомненно способно привести утрате осознания индивидуальности личности и понимания культурной идентичности, снижению чувства ответственности за действия в виртуальном мире и т.п. [12].

В сфере уголовного судопроизводства вопросы киберэтики трансформируются в уголовно-процессуальную киберэтику. Несмотря на инновационную природу, она базируется на таких традиционных категориях как принципы законности при производстве по уголовному делу, уважения чести и достоинства личности, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на положениях профессиональных этических кодексов – Кодекса судебской этики, Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации, Кодекса профессиональной этики адвоката, Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации и др.

С учетом интенсивного развития цифровых технологий и их внедрения в сферу уголовного судопроизводства назрела необходимость разработки нового правового акта – кодекса этики уголовно-процессуальной деятельности в условиях развития цифровых технологий, – определяющего этические правила поведения различных участников с учетом выполняемых ими функций применительно к разным технологиям (в части работы с искусственным интеллектом, защиты персональных данных, правил поведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и др.).

Заключение

Таким образом, можно выделить несколько философских контекстов цифровизации российского уголовного судопроизводства: онтологический, эпистемологический, социально-технологический, экзистенциально-антропологический и этический. Каждый из них лежит в основе как уже произошедших и происходящих, так и грядущих (перспективных) изменений уголовно-процессуальной деятельности.

При этом изменения порядка уголовного судопроизводства, вызванные развитием цифровых технологий, имеют ограничения, обусловленные неизменностью таких фундаментальных и устойчивых основ современной уголовно-процессуальной формы как тип (модель) процесса, его назначение, принципы, а также лежащие в основе уголовного процесса нравственные начала.

Хотя все выявленные философские контексты цифровизации российского уголовного судопроизводства проявляются в законодательных изменениях и в развитии правоприменительной практики, объем и характер этих изменений зависят не только от разработки и возможностей внедрения в уголовно-процессуальную деятельность цифровых технологий. Допустимые пределы использования новейших разработок определяются с учетом того, будут ли обеспечены национальные интересы государства, включая вопросы кибербезопасности, доброкачественность доказательств и результатов процесса доказывания, права участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

- [1] *Maslennikova L., Vilkova T., Sobenin A., Tabolina K., Topilina T.* Using online services to report a crime // *Wisdom*. 2021. Т. 18, № 2. P. 120–128. DOI: 10.24234/wisdom.v18i2.450 EDN: LZKRYV
- [2] *Janelle D., Gillespie A.* Space-Time Constructs for Linking Information and Communication Technologies with Issues in Sustainable Transportation // *Transport Reviews*. 2004. Vol. 24, no. 6. P. 665–677.
- [3] *Сахарных А.В.* К вопросу об особенностях реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях коронавирусной пандемии // *Мировой судья*. 2021. № 6. С. 25–32. DOI: 10.18572/2072-4152-2021-6-25-32 EDN: PIGHRR
- [4] *Limbaugh D., Jensen M., Beverley J.* Towards a Cyber Information Ontology. URL: https://www.researchgate.net/publication/382654188_Towards_a_Cyber_Information_Ontology (accessed: 01.04.2025).
- [5] *Девурченская Т.А.* Пролегомены к цифровой эпистемологии искусственного разума // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 4 (21). С. 33–37. EDN: YROZJB
- [6] *Maturana H.R.* Biology of Cognition // Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht : D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 5–58.
- [7] *Шиповалова Л.В.* Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 175–190. DOI: 10.5840/dspl20192460 EDN: XIWLNT
- [8] *Кнэхт Н.П.* Проблема знания и понимания в цифровую эпоху // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 117–126. DOI: 10.24151/2409-1073-2022-4-117-126 EDN: WDWZAB
- [9] *Ball P.* Universe is a computer. URL: <https://www.nature.com/articles/news020527-16> (accessed: 01.04.2025).
- [10] *Floridi L.* Against digital ontology // *Synthese*. 2009. Т. 168, no 1. P. 151–178. DOI: 10.1007/s11229-008-9334-6 EDN: OVJXVN
- [11] *Гриненко А.В.* Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2019. № 2 (266). С. 152–158. DOI: 10.12737/art_2019_2_14 EDN: YVXCTB
- [12] *Пучков Д.В.* Проблемы взаимодействия кибертехнологий с моралью и правом в современном обществе // Проблемы права. 2017. № 5 (64). С. 95–102. EDN: YMQHWP

References

- [1] *Maslennikova L., Vilkova T., Sobenin A., Tabolina K., Topilina T.* Using online services to report a crime. *Wisdom*. 2021;18(2):120–128. (In Russian). DOI: 10.24234/wisdom.v18i2.450 EDN: LZKRYV
- [2] *Janelle D., Gillespie A.* Space-Time Constructs for Linking Information and Communication Technologies with Issues in Sustainable Transportation. *Transport Reviews*. 2004;24(6):665–677.
- [3] *Sakharnykh AV.* On the specifics of implementing the principle of directness of trial in the context of the coronavirus pandemic. *Magistrate*. 2021;(6):25–32. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4152-2021-6-25-32 EDN: PIGHRR
- [4] *Limbaugh D., Jensen M., Beverley J.* *Towards a Cyber Information Ontology*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/382654188_Towards_a_Cyber_Information_Ontology (accessed: 01.04.2025).

- [5] Dvurechenskaya TA. Prolegomena to a Digital Epistemology of Artificial Intelligence. *Modern Problems of the Humanities and Social Sciences*. 2018;(4):33–37. (In Russian). EDN: YROZJB
- [6] Maturana HR. Biology of Cognition. In: *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.; 1980. P. 5–58.
- [7] Shipovalova LV. Distributed cognition – analytics and problematization of the concept. *Digital scientist: philosopher's laboratory*. 2019;2(4):175–190. (In Russian). DOI: 10.5840/dspl20192460 EDN: XIWLNT
- [8] Knecht NP. The problem of knowledge and understanding in the digital age. *Economic and social-humanitarian studies*. 2022;(4):117–126. (In Russian). DOI: 10.24151/2409-1073-2022-4-117-126 EDN: WDWZAB
- [9] Ball P. *Universe is a computer*. Available from: <https://www.nature.com/articles/news020527-16> (accessed: 01.04.2025).
- [10] Floridi L. Against digital ontology. *Synthese*. 2009;168(1):151–178. DOI: 10.1007/s11229-008-9334-6 EDN: OVJXVN
- [11] Grinenko AV. Contractual relations in Russian criminal proceedings. *Journal of Russian Law*. 2019;(2):152–158. (In Russian). DOI: 10.12737/art_2019_2_14 EDN: YVXCTB
- [12] Puchkov DV. Problems of interaction of cyber technologies with morality and law in modern society. *Problems of Law*. 2017;(5):95–102. (In Russian). EDN: YMQHWP

Сведения об авторах:

Пржиленский Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2. ORCID: 0000-0002-5942-3732. SPIN-код: 7170-3995. E-mail: viprzhilenskij@msal.ru

Вилкова Татьяна Юрьевна – доктор юридических наук, и.о. заведующего кафедрой уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2. ORCID: 0000-0003-3436-1288. SPIN-код: 1063-9047. E-mail: tuvilkova@msal.ru

About the authors:

Przhilenskiy Vladimir I. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9/2 Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5942-3732. SPIN-code: 7170-3995. E-mail: viprzliilenskij@msal.ru

Vilkova Tatyana Y. – Doctor of Law, Acting Head of the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9/2 Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3436-1288. SPIN-code: 1063-9047. E-mail: tuvilkova@msal.ru